

А. А. БЛОК

Дитя Гоголя

Если бы сейчас среди нас жил Гоголь, мы относились бы к нему так же, как большинство его современников: с жутью, с беспокойством и, вероятно, с неприязнью: непобедимой внутренней тревогой заражает этот единственный в своем роде человек¹: угрюмый, остроносый, с пронзительными глазами, больной и мнительный.

Источник этой тревоги — творческая мука, которую была жизнь Гоголя. Отрекшийся от прелести мира и от женской любви, человек этот сам, как женщина, носил под сердцем плод: существо, мрачно сосредоточенное и безучастное ко всему, кроме одного; не существо, не человек почти, а как бы один обнаженный слух, открытый лишь для того, чтобы слышать медленные движения, потягивания ребенка.

Едва ли встреча с Гоголем могла быть милой, приятельской встречей: в нем можно было легко почувствовать старого врага; душа его гляделась в другую душу мутными очами старого мира; отшатнуться от него было легко.

Только способный к восприятию нового в высшей мере мог различить в нем новый, нерожденный мир, который надлежало Гоголю явить людям.

Заглянувшему в новый мир Гоголя, верно, надолго «становился как-то скучным разумный возраст человека».

Когда Гоголь говорил в «Портрете» о какой-то черте, до которой художника «доводит высшее познание искусства и через которую шагнув он уже похищает не создаваемое трудом человека, вырывает что-то живое из жизни»; когда Гоголь мучился,

бессильный создать желаемое, и годами переписывал свои творения, безжалостно уничтожая гениальное, бросая на середине то, что для нас неочевидно и лишь для его художнической воли сомнительно; когда Гоголь мечтал о «великих трудах» и звал «пободрствовать своего гения»; когда он слушал все одну, отдаленную и разрастающуюся, музыку души своей — бубенцы тройки и вопли скрипок на фоне однообразно звенящей струны (об этой музыке — и в «Портрете», и в «Сорочинской ярмарке», и в «Записках сумасшедшего», и в «Мертвых душах»); когда, замышляя какую-то несозданную драму, мечтал Гоголь «осветить ее всю минувшим... обвить разгулом, казачком и всем раздольем воли... и в поток речей неугасимой страсти, и в беспечность забубённых веков»; — тогда уже знал Гоголь сквозь все тревоги, что радость и раздирающая мука творчества суждены ему неизбежно.

Так женщина знает с неизбежностью, что ребенок родится, но что она будет кричать от боли, дорогой ценою платя за радость рождения нового существа.

Перед неизбежностью родов, перед появлением нового существа содрогался Гоголь; как у русалки, чернела в его душе «черная точка». Он знал, что сам он — ничто сравнительно со своим творением; что он — только несчастный сумасшедший рядом с тем величием, которое ему снится. «Спасите меня! Возьмите меня!» — кричит замученный Поприщин; это крик самого Гоголя, которого схватила творческая мука.

«Спасите меня! Возьмите меня! Дайте мне тройку быстрых, как вихрь, коней! Садись, мой ямщик, звени, мой колокольчик, взвейтесь, кони, и несите меня с этого света! Далее, далее, чтобы не видно было ничего, ничего! Вон небо клубится передо мною; звездочка сверкает в дали; лес несется с темными деревьями и месяцем; сизый туман стелется под ногами; *струна звенит в тумане... вон и русские избы виднеются. Дом ли это мой синеет вдали?* Мать ли моя сидит перед окном? Матушка, спаси твоего бедного сына!»

Так влечет к себе Гоголя новая родина, синяя даль, в бреду рождения сняющаяся Россия.

«Русь! Русь! Какая непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается неумолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? —

Русь! Чего ж ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами?»

Чего она хочет? — *Родиться, быть*. Какая связь между ним и ею? — Связь творца с творением, матери с ребенком.

Та самая Русь, о которой кричали и пели кругом славянофилы, как корибанты, заглушая крики матери бога; она-то сверкнула Гоголю, как ослепительное видение, в кратком творческом сне. Она далась ему в красоте и музыке, в свисте ветра и в полете бешеной тройки. «У, какая сверкающая, чудная, *незнакомая даль!*.. Русь! куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа. Чудным звоном заливаётся колокольчик; гремит и становится ветром разорванный в куски воздух».

Что изменило ослепительное видение Гоголя в действительной жизни? Ничего. *Здесь* — осталась прежняя, хомяковская, «недостойная избранья» Россия:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена².

Там сверкнуло чудесное видение. Как перед весной разрываются иногда влажные тучи, открывая особенно крупные, точно новорожденные и омытые звезды, так разорвалась перед Гоголем непроницаемая завеса дней его мученической жизни; а с нею вместе — завеса вековых российских буден; открылась омытая весенней влагой синяя бездна, «незнакомая земле даль», будущая Россия. Точь-в-точь как в «Страшной мести»: «За Киевом показалось неслыханное чудо: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засипел Лиман, за Лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская». Еще дальше — Карпаты, «с которых век не сходит снег, и тучи пристают и ночуют там».

Такая Россия явилась только в красоте, как в сказке, зрямая духовным очам. Вслед за Гоголем снится она и нам. Он же, первый приподнявший завесу, за дерзкое свое прозрение изведаль все унижение тоски и серую всероссийскую мразь; не выдержав «очерствения жизни», глухой «могилы повсюду», Гоголь сломился. Перед смертью он кричал что-то о «лестнице»; до того вещественно было у него представление о какой-то спасительной лестнице, выбрасываемой из небесного окна, по которой можно «взлететь» в синюю бездну, виденную когда-то в творческом сне.

В полете на воссоединение с целым, в музыке мирового оркестра, в звоне струн и бубенцов, в свисте ветра, в визге скрипок — родилось дитя Гоголя. Этого ребенка назвал он Россией. Она глядит на нас из синей бездны будущего и зовет туда. Во что она вырастет, — не знаем; как назовем ее, — не знаем.

Чем безлюдней, чем зеленее кладбище, тем громче песня соловья в березовых ветвях над могилами. Все кончается, только музыка не умирает. «Если же и музыка нас покинет, что будет тогда с нашим миром?»³— спрашивал «украинский соловей» Гоголь. Нет, музыка нас не покинет.

Март 1909

